18+

Вера Дмитриева

Музыка в зимнем лесу

Стихи за 2019—2022 годы

Вера Дмитриева

Музыка в зимнем лесу. Стихи за 2019-2022 годы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68835714
ISBN 9785005954848

Аннотация

В книге «Музыка в зимнем лесу» собраны произведения, написанные за 2019—2022 годы. Это своеобразный дневник в стихах, которые отражают состояние и самого автора, и окружающего мира.

Содержание

Музыка в зимнем лесу 7
2019 год 9
- Любовь. всегда любовь 9
- Ночная прогулка 11
- Пространство для любви 12
- Зима в обители Творца 13
- Снежная тишина 14
- Ода новогоднему столу 16
- Лунная ночь 18
- Музыка в зимнем лесу 19
- «Не предавай вовек кумира!..» 21
- Святки. Колядки 23
- Тапочкам 25
- Дары волхвов 27
- Обелиск «Строгинцам погибшим в годы великой Отечественной войны» 29
- Храм Новомучеников и исповедников российских в Строгино 30
- Умирение страстей 32
- Петух в Барвихе 34
- Момент у моря 35
- Старость пополам 37
- Склерозная пастораль 39

На свидание 41
Видения в граненном подсвечнике 43
Молитва при свечах 45
«Я всё пропустила: пролески в апреле…» 46
«Пожар души весной рождён…» 47
Начало бытия 48
Любовь из детства 50
Ширли-мырли 52
Учусь играть на гитаре 54
С оптическим прицелом 55
Стареющему сыну 57
Было сладко 59
Храму в Строгино 61
У тихой речки 63
Не все то золото 64
Орган предчувствия 65
Осенние птицы 67
Тадж-Махал* 69
Последняя любовь 71
«Переехала давно…» 73
Телефонный разговор 74
Букет сонетов 76
Сонет сонету 76
Ещё один сонет сонету 77
Песочные часы 78
Властителю слов 79

Зелёный рукав 80
Войду – узнаю 81
Пасха 82
Нить 83
Счастье 84
Сейчас 85
Видение 86
Струна 87
Мальчик-паж 88
Родина большая и малая 89
Родина 89
Городуля 91
В Пушкинском сквере на Арбате 94
Москве с любовью 97
Конец ознакомительного фрагмента. 98

Музыка в зимнем лесу
Стихи за 2019-2022 годы
Вера Дмитриева

© Вера Дмитриева, 2023
ISBN 978-5-0059-5484-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Музыка в зимнем лесу
Стихи2019—2022 года

У Храма Новомучеников и исповедников российских в Строгино

2019 год

Любовь. всегда любовь

Мой Ангел – он поэт,
он мне диктует строки,
хотя все вышли сроки,
но он еще поёт
о пламенной любви
и о сердечной муке.
Зачем они старухе?
Зови иль не зови —
ушло и не вернуть,
но нервы, словно струны,
и чувства снова юны,
и распирает грудь
любовь.
Всегда любовь.
К кому – другое дело.
Горят душа и тело,
и обретаешь вновь
глубинный жизни смысл,
а он в любви. И снова
любовь рождает слово.
И пусть банальна мысль,

но я взываю вновь:
мой Ангел, дай мне силы
пылать неугасимо
и воспевать любовь.

Ночная прогулка

Гулять по улицам пустынным
должно быть, только ночью можно.
Зима, мороз, и сердце стынет.
Но вдруг коснется осторожно
его мой ангел легкокрылый,
и встрепенется птица сердца,
из клетки, ангелом открытой,
порхнет.
Но как ему согреться,
над городом замерзшем рея,
с восторгом, нежностью и болью?
Зима, мороз, но в то же время
тепло, согретому любовью.

Пространство для любви

Мне просто хорошо, что я живу на свете,
что солнышко взошло, и я его люблю,
что расцвела сирень, здоровы внуки, дети,
и пенсия пришла. Подарки им куплю.

Мне просто хорошо порой до изумленья,
распахнута душа, в ней май и соловьи.
И всё же не скажу: «Остановись, мгновенье!» —
есть впереди ещё пространство для любви.

Зима в обители Творца

Россия – дивный зимний край
снегов и света.
И почему мы видим рай
на фоне лета?
Все сад, да сад! А, может, лес
без летних красок,
где мир серебряных чудес,
хрустальных сказок?
Затейлив инея узор.
По тайным тропам,
по облакам гуляет взор,
иль по сугробам?
А, может, правда облака
спустились с неба?
Как стихотворная строка —
следы по снегу
ведут к деревне, где народ
любовью светел.
Мой снежный ангел у ворот
меня там встретил.
А за деревней без конца
поля без края…
Зима в обители Творца,
в пределах рая.

Снежная тишина

Новогодье,
пусть где-то пора распродаж,
суета, развлечений мельница.
Но шагни за порог суеты, и пейзаж
сменится.
От небес до земли снегопад,
как стена,
и за ней ждет зима безбрежная.
На Руси есть особая тишина —
снежная.
Нет стрельбы,
телевизор не бьет по мозгам,
окружает здесь тишь нездешняя.
Я как будто вхожу
в удивительный храм,
грешная.
И меня накрывает явление слов —
строки из обжигающей повести.
Это голос небес, или голос снегов?
Совести!
Я сквозь стену пройду,
не видна, не слышна,
лишь душа серебрится нежная.
На Руси есть особая тишина —
снежная.

Ода новогоднему столу

Пост в Новый год! Еды как мало!
Хотя ведь не в застолье суть…
Креветки, мидии, кальмары,
ну, может, устрицы, чуть-чуть.
Лосось под красною икоркой,
икра летучей рыбы есть,
и с крабами салаты горкой —
и всё! Ну что там, право, есть?!

А чайный стол? Одно мученье!
Где нам найти таких услад:
торт постный, постное печенье
и очень постный шоколад?
Из вазы с фруктами, послушай,
Призывно так глядят на нас
И виноград, и киви с грушей,
И… все же зелен ананас.

На молоко – благословенье.
А сыр? На нем уже слеза.
Нет, это все же объеденье,
не буду резать пармезан!
Ни ветчины и не рокфора!
Увы, стол новогодний прост.
Застолье, смех и разговоры,

но не танцуем. Все же пост!

У телевизора постимся,
ночь новогодняя длинна.
К утру слегка приободримся
бокалом сладкого вина.
Объедки уберем стыдливо,
мы ублажили естество.
Пост в Новый год! Несправедливо!
Скорей бы, братцы, Рождество!

Лунная ночь

Лунный свет, настоенный на травах,
наполняет до краев бокал
ночи, что в безумствах и забавах
мчится, оставляя по бокам
бесконечной трассы без названья
осторожность, трезвость и расчет.
Не поможет нам ни бездна знаний,
и ни опыт, он уже не в счет.
Закружилась, что-то захмелела
голова седая. Мыслей нет!
Исчезает грубый кокон тела,
и душа является на свет.

Музыка в зимнем лесу

В зимнем храме моём
зажигаются звёзды, как свечи.
На колонны стволов
опускается купол небес.
Пред звездой-алтарём
я стою, опустив низко плечи.
И молитва без слов
обнимает рождественский лес.

Пусть слова не звучат,
но играет небесная лира.
И мотив, как снежинка
витает, узором маня.
В нём любовь, и печаль,
и восторг от величия мира.
И желанья свежи, как
нетронутый снег, у меня.

К нам приходят порой
эти звуки из мира иного.
Это воздух звенит,
и трепещет морозная высь.
Да, прибудет со мной
и с тобою всесильное Слово.
Улетает в зенит —

обращенная в музыку мысль.

«Не предавай вовек кумира!..»

Не предавай вовек кумира!
Но что же делать, если то,
что было дорого и мило,
исчезло, превротясь в ничто?
Погасло трепетное чувство
к стихам, что стали не близки.
В изобразительном искусстве
не мысли вижу, а мазки.

Картины, что меня качали,
кидая в ужас и восторг,
померкли. Облако печали
оставили. Пустой листок
теперь одна моя отрада.
Там и картины, и стихи,
там и надежда, и награда,
и покаянье, и грехи.

Пустой листок – таит он славу.
В нем и сомнения нарыв,
и обжигающая лава
любви. И ненависти взрыв.
Коснись его – ряды проснуться
страстей, им имя – легион.
К листу я медлю прикоснуться,

пока он чист – безгрешен он.

Святки. Колядки

Солнце правды встало,
в сердце торжество.
Будем неустанно
славить Рождество.
Славьте же усердно,
радуйте Христа.
«От избытка сердца
говорят уста».
Отворились святки
словно в небо дверь.
Песни да калядки
хороши теперь.
Дети со звездою
ходят по домам.
Близкое, простое,
душам и умам
светлое веселье,
старина и новь.
Верим в Воскресение,
и в Его любовь.
Христе Боже, радуйся,
мы спасенья ждем,
и «звездой учахуся»,
за Тобой идем.
Вся земля украшена

звездным серебром.
Это праздник каждого.
Люди, с Рождеством!

Тапочкам

Солнышко выползло доброе,
нас на природу маня.
Тапки с собачьими мордами
грустно глядят на меня.
Мол: «Ну, куда же ты, душечка?!
Холодно, снег за окном.
А на диване подушечка,
с ней ты забудешься сном.
Верные сторожевые,
сон мы твой будем хранить.
А на окне кружевные
шторки. Их нужно закрыть».

Лапочки, мои тапочки,
вы не ревнуйте меня
к валенкам, к вязаной шапочке,
к прелестям юного дня:
к зимнему солнцу, к метели,
к радуге в искристом льду…
Вы мои ноги одели —
думали я не уйду?
Ну, не одели – обули.
Или же наоборот?
В общем, неважно, тапули,
морды собачьи, вперёд!

Прыгнем в сугроб, не иначе!
Молоды мы и крепки!
Вы же из шерсти собачьей,
значит, до смерти щенки.
Зря вы, друзья, приуныли?
Что нам метель и мороз!?»
Тапки у двери застыли,
страшно им высунуть нос.
Пусть их сидят на крылечке,
Я же – в объятия дня…
После больную у печки
тапки лечили меня.

Дары волхвов

Он родился! Он родился —
в яслях Богочеловек.
Шар земной остановился,
и замедлило свой бег
время на краю эпохи,
начиная календарь.
Новорожденному крохе
мудрецы несут свой дар.
За звездою звездочеты —
из восточных дальних стран,
сделав сложные расчеты,
снарядили караван.

За звездой, что шла от дома
через Иерусалим,
Божью мудростью ведомы,
шли, чтоб положить пред Ним
ладан, золото и смирну,
и, оставив колдовство,
помолиться тихо, смирно,
наполняя естество
верой в Бога Иисуса
и в пророчество о Нем.
Чародейное искусство
было вовсе не причем.

Шепот звезд небесных слыша,
знали – это Божий глас.
Тайна им открылась свыше,
их дары – Его наказ.
Ладан истинному Богу,
золото – царю царей,
в смирне нет нужды до срока,
смерть нуждается лишь в ней.
В человеческом Он теле
принял вещие дары.
Царь и Бог на самом деле —
стал Он смертным до поры.

Будет суд, потом голгофа,
и распнут, но не сейчас.
А сегодня Он – Бог Слово —
воплотился ради нас.
Бог родился! Знаем, верим!
Пусть все сложно впереди…
Рождество – открыты двери
в царство Божие. Войди!.
За звездою, за звездою
все идем мы с той поры.
И дорогой непростою
мы несем Ему дары.

Обелиск «Строгинцам погибшим в годы великой Отечественной войны»

Из родной деревни, сердцу близкой
Уходили, и вернулись строем
Не в дома – на плиты обелиска,
что поставлен воинам-героям.
Поклонимся до земли строгинцам,
что «за други» жизнь свою отдали.
Поименно помним и гордимся!
Слышим вас из вашей дальней дали.

Храм Новомучеников и исповедников российских в Строгино

Наш храм, с утра народа полный, —
всему району голова.
Его кокошники, как волны
несут златые купола.
Прохладно в зной,
тепло в нем в стужу,
и ночью благостно и днем.
И новомучеников души
присутствуют незримо в нем.
Здесь с Богом дивное слиянье,
Святых нас окружает рать,
вскипают слезы покаянья,
нисходит в душу благодать.

Как долго ожиданье длилось!
Когда ж строгинский храм возник,
то вся округа изменилось
с ударом колокола вмиг.
Младенец-храм. Века и войны
в нем не сплетаются хитро.
Течет бульвар Строгинский в пойму,
глотает жителей метро.
Машины рявкают натужно,

с площадки музыка слышна,
там детвора резвится дружно…
А в нем покой и тишина.

Умирение страстей

Как счастливы они —
живущие по плану,
не надо думать им,
что выбирать из дел.
Их распорядок дня
проверенный и плавный
от выбора спасет.
Порядок – их удел.

А тут и не поймешь,
куда тебя заносит,
что делаешь ты здесь,
и как сюда попал.
Смешная молодежь
здесь воду ситом носит,
и в зареве огней
гудит страстей накал.

Живу, не дую в ус,
за прошлое не каюсь,
давно я не смеюсь,
а только улыбаюсь.
Порядка нет в делах,
но и страстей не стало.
Исчез куда-то страх,

и гнева тоже мало.

И лозунг: «Жизнь – борьба»
мне больше не подходит,
не то, что б я слаба,
а просто мне угоден
сегодня каждый миг.
И мне светло на свете,
в душе любовь и мир,
и дорожу я этим.

Петух в Барвихе

Петух поёт, диковинка какая!
Я так давно не слышала его.
Поёт победно он, не умолкая,
с надрывом хриплым. Слышно далеко.
Среди коттеджей, башенок сверхмодных,
среди павлинов, пальм и чайных роз
орёт петух, сзывая всех безродных
копать, косить, раскладывать навоз.

Так кто же здесь среди аристократов
завёл себе простого петуха?
Наш горлопан совсем не для богатых —
разбудит в пять – пойдёт на потроха.
Но, слушайте, несется: «Ку-ка-рЕ-ку!».
Он есть, всё остальное – чепуха.
Хвала и честь сегодня человеку,
встающему под пенье петуха.

Момент у моря

Долгий пирс, знакомый профиль четкий,
Кара-Даг вобрал в себя навек.
Я давным-давно уж не девчонка,
время мчится, убыстряя бег.
Над лазурным колыханьем моря
лепесток лазоревой зари.
Опадают волны, сердцу вторя,
будто в море ходят косари.

Косят, косят, и ползет на берег
шелест свежескошенной воды.
Кто с косой? Соратник иль соперник?
Польза или вред его труды?
Жизнь в полоску – черное за белым.
Я сама, как будто, ни при чем.
Личный демон за плечом за левым,
личный ангел справа за плечом.

Глупых мыслей и страстей орава
тает, как видение во сне.
Та, с косой, не слева и не справа —
точит косу острую во мне.
Мир свернулся на косе песчаной,
время встало, хоть идут часы.
Будто в вечность с радостью печальной

я бегу по лезвию косы.

Старость пополам

Встану утром на заре,
пробегу босой по лугу.
Луг в росе, как в серебре.
Опущу тихонько руку
в ароматную волну —
луговое разнотравье,
и найду траву одну,
соберу ее во здравие.
Заворю и напою
друга милого отваром,
он, на радость на мою
никогда не будет старым.
«Ведь не страшно бабкой быть,
страшно с дедушкою жить».

Мне твердят: «Ты не права!
Кто ж такое чудо тратит?
Это редкая трава,
на двоих ее не хватит».
Буду тихо я стареть,
мне отвар совсем не нужен,
только больно мне смотреть
на молоденьких подружек,
что порхают вкруг него,
да и он в улыбках тает.

А чтоб мне порхнуть легко —
молодости не хватает.

Что ж, быть может мне самой
выпить и омолодиться?
Но тогда любимый мой
будет дедом для девицы.
Время, времечко спешит,
и немного нам осталось.
Будет пусть, как Бог решит —
пополам любовь и старость.

Склерозная пастораль

На невымытых ботинках
прошлогодняя трава —
сразу в солнечных картинках
утонула голова.
Пахнет скошенной травою
перед домом наш лужок,
там гуляем мы с тобою —
– «козочка и пастушок».

И как будто звук свирели —
что всей музыки милей —
это птички нам запели,
или петли у дверей.
Пасть в траву, поддавшись лени,
но внезапно кинет в дрожь:
белка прыгнет на колени,
сунется под юбку еж.

А водичка из колодца,
как янтарная слеза:
плещется в ведерке солнце,
как оно слепит глаза!
На душе светло и мило,
а могла бы все забыть.
Хорошо, что я забыла

обувь летнюю помыть.

На свидание

Я иду на свидание,
что ж, тряхну стариной
Для меня испытание
топ с открытой спиной.
Виноградные лозы
украшают наряд,
и пиджак – «пепел розы»
тихо радует взгляд.
Пусть пропах нафталином
гардероб. Не беда!
Не ходила я в длинном
никогда, никогда.

До колена юбчонка —
надо будет менять,
ведь уже не девчонка,
если за …двадцать пять.
Ну, за сорок, и славно.
Правда, сын подкачал:
он полсотню недавно
шумно так отмечал.
Ладно, юбку иль брючки
я, пожалуй, найду:
покопаюсь у внучки —
на часок уведу.

Желтых локонов стружку
посильней закручу.
Все, готова старушка,
побегу, полечу.
Дай окину я взглядом —
отраженье на пять.
Поликлиника рядом,
клюшку можно не брать.

Развевается локон…
Ба, смотри-ка, народ —
бодрячком мимо окон
мой любезный идёт.
И рукою мне машет.
Что ж, вдвоем посидим
в поликлинике нашей:
врач у нас с ним один.

Видения в граненном подсвечнике

Здесь багряные зори
над зеленой рекой,
что течет в сине-море
и несет непокой
и лавину предчувствий.
Святозарный узор,
смесь восторга и грусти,
неизвестности зов.

Так граненый подсвечник
ловит пламя свечи.
Мне незримый поспешник
отдал к сердцу ключи.
Не стеклянные грани я
созерцаю, а мир.
В нем и радуг играние,
и «сияние лир».

Белый луч раскрывается
словно веер, и вот —
в семицветье слагается.
В нем виденье плывет:
и рожденье, и тризна,
и любовь, и печаль.
А всего только призма,

да малютка-свеча.

Молитва при свечах

Сегодня в радужном сиянье
предстал мне дивный город Твой.
И глаз, и слух, и обонянье
восприняли вдруг мир иной,
такой загадочно-прекрасный,
как нескончаемый салют.
Он здесь, доколе не угасла
свеча.
Я слышу, как поют
так далеко, а, может, близко.
И ангелы со всех сторон
Подходят и, склоняясь низко,
стоят у трона, там, где Он
в одеждах светлых восседает.
Прекрасен лик, и ясен взор.
Свеча угасла, тает, тает
град горний.
Замолкает хор
и тонкий аромат куренья.
Молитвенный окончен труд,
и только искорки виденья
весь день в душе моей живут.

«Я всё пропустила: пролески в апреле…»

Я всё пропустила: пролески в апреле,
черёмухи буйной шальной аромат.
Я всё пропустила: цветенье сирени,
кукушкин рассвет, соловьиный закат.

И что я скажу, ту весну вспоминая?
Не помню, была ли гроза или нет.
Вот, кажется, снег был на первое мая.
А впрочем, прошла уже тысяча лет.

А может быть год.
Время в прошлом сомкнуло
ряды своих дней и слило в один миг.
Когда ты ушёл, будто свечку задуло.
С тобою был свет, дальше —
мунковский «Крик».
Я всё пропустила: жила, как в тумане,
жевала резину бессмысленных дней.
И вдруг я очнулась,
и жизнь снова манит,
любовь и надежда, и вера есть в ней.

«Пожар души весной рождён…»

Пожар души весной рождён.
той, что упала прямо с неба,
когда впервые вместо снега
нас ошарашила дождём.

Начало бытия

«Я альфа…», – Он сказал. А, значит Он – Начало.
«В Начале было Слово». Да, Слово было в Нём.
И всё, что стало быть, а не было сначала,
всё словом Он творил, не взрывом, не огнём.
А, впрочем, может быть, творил Он взрывом тоже.
Но взрыв тот начал быть по слову, по Его.
И так Он день за днём, свои творенья множа,
мир создавал для нас спокойно и легко.
И день шестой настал. Велик был Логос-Слово,
программа бытия, идея во плоти…
Глаза открыл Адам. Закрыл, открыл их снова,
и увидал того, кто душу освятил.
И только в день седьмой, задумавшись глубоко,
оставив все дела, ловил Он каждый миг
творенья своего. И радовали Бога
и первые шаги, и даже первый крик.

***

Любовь опять хлестнула плеткой,
и плётка резвая с оплёткой
такую причинила боль,

что из груди не стон, а вой,
и никакой любви не надо.
Но в этой боли есть отрада:
болит, и, значит, ты живой.

Любовь из детства

А был ли мальчик? Девочка была ли?
Давно когда-то был осенний день,
глаза светились, губ костры пылали,
и он кольцо на палец мне надел.
Всё закружилось в золотой метели,
И звездопад был словно листопад.
И мы кружились, падали, летели…
Куда? Возможно в рай, а, может, в ад.

Как тут понять, когда все в красной гамме
и в золоте с вкраплениями звёзд,
когда вскипает небо под ногами,
и радуги парит висячий мост?
Что было дальше? Я не помню, право.
Была зима и, видно, не одна.
Случались вёсны, лет прошла орава.
Катилась жизнь, что свыше нам дана.

Любовь из детства где-то затерялась,
забылись даже имя и лицо.
Колдунья-осень в памяти осталась,
да это самодельное кольцо.
И только листья начинают падать,
и звёзды вниз срываются, дрожа,
Взрывается внезапно бомба-память,

и на губах, как в юности, – пожар.

Ширли-мырли

Мы, русские, горды своим славянством,
но сколько в нас намешено иных.
Плодимся мы с завидным постоянством
от черных, желтых и других цветных.
О, этот взгляд кавказского красавца,
спустившегося в сердце прямо с гор!
Не нравится!? – Не будем мы касаться
крамольной темы, что рождает спор.

Но как красив студент из Гватемалы!
Базальтовый, несокрушимый торс,
и бицепсы… Что, этого вам мало?
Добавьте царский титул. Не вопрос.
Загадочность учтивого японца —
как к этой тайне равнодушным быть?!
Его улыбка вечная, как солнце,
не даст такого «ниньзю» не любить.

А Чингачгук? Ах, он такой романтик!
Да, мало ли красавчиков иных:
в полосочку, в горошек, «с боку бантик»,
что клюнешь на кого-нибудь из них.
И, вот, что интересно: в наших детях
всегда звучит славянская струна.
И где бы ни был ты на белом свете —

тебе тот час откликнется она.

Учусь играть на гитаре

Алене Лосевой, которая пыталась
научить меня игре на гитаре.

Благодарю, что, радости полна,
я звуки извлекаю, и при этом
мелодия слагается.
Она
живёт во мне, звучит зимой и летом.
С трудом, но пробивается мотив
сквозь плевелы ошибок, корку фальши.
Гитарный перебор, как перелив
хрустальных струй,
но он всё дальше, дальше.

С оптическим прицелом

Моя гитара первая —
чехол, как для оружия,
скрывает куртка серая
гитары полукружия.
И слышу, сзади шепотом:
«Бежим, пока что целы,
смотри, у «чела» что-то там…
с оптическим прицелом».
Мне старость ухмыляется,
она грозит клюкою,
но, а душа влюбляется
и манит жизнь рукою.
И нет прекрасней дара,
чем юным быть и смелым.
И за спиной гитара…
с оптическим прицелом.
А старость лезет в уши,
как тать, лишает зрения,
и музыка всё глуше,
теперь уж не до пения.
Но я от ведьмы старой
уйти стараюсь целой,
ведь за спиной гитара

с оптическим прицелом.
Как молния меж нами
по пальцам бьёт пребольно.
Ми ля си до си ля ми —
острей свинца в обойме.
Я знаю, что недаром
братаемся со сценой,
ведь за спиной гитара
с оптическим прицелом

Стареющему сыну

Храни тебя моя любовь!
Храни тебя моё участье.
Болезни, горести, несчастья
я разделю с тобою вновь.
Превыше всех красивых слов
дела любви, святые часто.
Глаза надеждою лучатся,
ум сердцу следовать готов.
Мой мальчик, вслед тебе смотрю.
Спина сутулится и гнется,
не просто и тебе даётся
груз лет.
Я время не корю.
Нелепо, видимо, искать
черты беззубого младенца
в суровом муже.
Призрак детства
ушёл. Что толку окликать.
Иди, иди, седой малыш,
а я тоску из сердца выну,
тебе перекрещу я спину,
и ты любовь мою услышь.

Было сладко

Спальник да палатка,
песни до утра.
Ах, как было сладко
ночью у костра.
Ночь плыла над нами,
словно день бела.
Нынче вспоминаю:
я ли то была.

Не сидела сиднем.
Жизнь, как вечный бег
из конца России
по разливам рек,
по дорогам топким,
по седым лесам,
по заросшим тропкам
и по небесам.

Северные дали,
южные края,
всё мы повидали,
молодость моя.
Юность в белом платье —
на закате дней
есть, что рассказать ей

старости моей.

Храму в Строгино

В шатровом храме голос улетает
высоко, к барабану и во вне,
и там за облаками тихо тает,
но продолжает он звучать во мне.
Мерцает свет в рубиновых лампадах,
струится цвет одежды золотой,
и в солнечных купаясь водопадах,
душа летит с молитвою домой.

Наш дом не здесь, а у Его престола.
Достойны ль мы его – не нам судить.
Пример любви и жития простого,
святого очень трудно повторить.
Как за оградой храмовой тревожно,
и даже днем порою в сердце – ночь,
но в храме нашем кажется возможным
и всех простить, и каждому помочь.

Мне в храме даже стены помогают,
курится ладан, запахом маня.
Огонь свечи приветливо кивает,
святые лики смотрят на меня.
И среди них святые страстотерпцы.
Прекрасна венценосная семья,
и, кажется, единое в них сердце,

и смерть их – продолженье бытия.

Великие в своей любви и вере.
Все общее – и радости, и боль.
Детей растили на своем примере,
готовые пожертвовать собой.
И видя в нас пожары мук сердечных,
приходят, откликаются на зов.
И молится за нас простых и грешных
российских новомучеников сомн.

И первым государь готов вступиться
за нас, просящих благодати всей,
его супруга, дочери-девицы,
надежда их – царевич Алексей.
В шатровом храме голос улетает
высоко. К небесам уходит взгляд.
Хранит приход и храм семья святая,
за ними новомучеников ряд.

У тихой речки

Дом у тихой речки,
на окне две свечки,
в доме две гитары,
песни, тары-бары,
и застолье дружное,
ой, какое нужное,
чтоб оттаяла душа,
затаилась в камышах
крякала бы уточкой,
иль сидела с удочкой.

Не все то золото

Октябрьское солнце не сдается,
сквозь тучи пробивается, лучась.
К чему оно лучом ни прикоснется.
все золотом становится тотчас.
Знакомы мне танталовые муки,
но только все совсем наоборот.
Ну, не дается золото мне в руки,
а норовит вскочить лисичкой в рот.

Смущает подосиновиком рыжим.
Чего же лучше? Только я опять
одни лишь слитки золотые вижу
на месте солнцем спаянных опят.
Я рада золотым осенним листьям,
не вечны, но бесчисленны зато.
Но, как бы ни кичилась бескорыстьем, —
мечтаю о металле золотом.

Орган предчувствия

«Чувств просвети простую пятерицу». Благодарственные молитвы по Святом причащении. Молитва 3-я, Симеона Метафраста

Слышите, как снег идет?
будто бы дитя лепечет.
Этот лепет душу лечит,
и она идет на взлёт,
и летит к Нему навстречу.
Слышите, как снег идет?

Видите мерцанье звезд?
Млечный путь – скорее, снежный —
давний, дальний, неизбежный,
в никуда зовущий мост
от Земли святой и грешной.
Видите мерцанье звезд?

Ветра легкое касанье,
и прикосновенья рук —
что они напомнят вдруг
в миг земного угасанья?
И восторг в них, и испуг.
Ветра легкое касанье.

На губах солёный вкус.
Может, кровь, а, может, слёзы.
Соль земли, любви угрозы,
поцелуй или укус?
Результат анабиоза?
На губах солёный вкус.

Запах ночи и весны.
Город пахнет дымом, домом,
чем-то грустным и знакомым.
Ароматны даже сны.
Пахнет лунный диск лимоном.
Запах ночи и весны.

Ухо, глаз, язык и кожа,
нос. Но что-то есть у нас,
что важней ушей и глаз,
что любить и верить может
и предчувствовать подчас.
Сердце – всех оно дороже!

Осенние птицы

В ноябре в лесу
тишина стоит.
Держит на весу
старый дуб зенит.
Виден только он —
горизонта нет.
Лес со всех сторон,
только сверху свет.

И река шумит
где-то под горой,
и тропа скользит
змейкой под ногой.
Ох, какая тишь!
Птицы ни одной,
черный ворон лишь
каркнул надо мной.

Захожу домой —
под окном поют.
Птицы, Боже мой!
все из леса тут.
Сойки, воробьи
и синицы в ряд —
клювами они,

знай, в окно долбят.

Сыплю крошки, да,
режу сала кус.
Ждали ведь, когда
из лесу вернусь.
Ходишь за мечтой
в дальние края.
А придешь домой, —
здесь мечта твоя.

Тадж-Махал*

Агру сумрак вечности окутал,
но не скрыл он чуда из чудес.
Кажется, что парашютный купол
опустил сокровище с небес.
Ночь качнула звёздным опахалом,
и в волшебном оке, посмотри,
розовое тело Тадж-Махала
выплыло из утренней зари.

Бриллиант архитектуры мира.
Упиваюсь нежной красотой,
что другие чудеса затмила.
Мавзолей – не монастырь святой,
и не храм, но здесь любви обитель,
потому он близок небесам,
и любовью покоренный зритель
о Мумтаз-Махал мечтает сам.

Стихотворно, как поэма, здание,
и читаешь по нему без слов:
грусть потери, радость обладания,
благодарность небу за любовь.
Умереть в рассвете чувства стоило,
чтобы стать восторгом и тоской,
женщиной, которая достойна

просветлённой памяти такой.

– **Тадж-Махал Дивный памятник архитектуры мавзолей-мечеть, находящийся в Агре, Индия*

Последняя любовь

Почти забыта первая,
любовь моя безмерная.
Вторая дымом кажется
угасшего костра.
А третья и четвертая,
как надпись полустёртая…
Последняя покажется
и спрячется остра.

Забудете, оставите,
но вновь тигрица памяти
из лап пушистых выпустит
тот коготок любви.
И сердце вздрогнет бедное,
и выплывет заветное
воспоминанье с привкусом
восторга на крови.

Любовь любовью лечится,
последняя же – вечная.
И мук ее не смоет
иной любви поток.
Последняя, желанная,
за что и кем нам данная?
Она всех прочих стоит,

она – судьбы итог.

Но, вот, что интересно —
живому неизвестно
последняя ли эта
любовь. Кто даст ответ?
Пока в нас сердце бьется,
любовь нам в дар дается.
Пока ты жив – не знаешь,
последняя иль нет.

«Переехала давно…»

Переехала давно
я в родное Строгино.
И сейчас комфортно мне
в разлюбезном Строгине.
Почему и не пойму
привязалась к Строгину.
Вижу, вижу из окна
панораму Строгина.
Хорошо мне здесь с родным,
дорогим мне Строгиным.
И в Москве побольше б их —
этих самых Строгиных.

Телефонный разговор

Не надо со мной говорить о здоровье!
все плохо: с глазами, со слухом и с кровью,
паршиво с ногами, с желудком хреново,
давай-ка о чем-нибудь светлом. И снова:
«Слепая! Оправа зато от Диора,
но я собираюсь менять ее скоро.
Глюкометр лучший: «Акку-чек Мобайл».
Ты лучше купила?! Мне старый отдай!

Я видела трость, и ты знаешь какая?
Со стульчиком, ручка такая витая.
Хотя и моя – хоть на выставку штучка,
ее расписала художница-внучка.
Зайди, покажу. Что? Давленье нестойко?
Придешь, и хлебнем от давленья настойки.
Тонометр только с собой прихвати.
Евгений – приятель мой, тоже в пути.

Такой шибутной, право, этот Евгений,
поет под гитару, в поэзии гений.
Его слуховой аппарат – «Отикон»,
из Швеции или из Дании он.
Такой обходительный, душечка, ах!
Неправда, совсем он не на костылях,
ходьбой скандинавскою занят Евгений.

Где мы познакомились? Да на рентгене.

Напрасно не ходишь, подруга, к врачу.
Я завтра поду, что-нибудь подлечу!
А что? Я там встретила сразу троих,
Евгений, пожалуй, был лучшим из них.
Рука не трясется, усы не висят.
Эх, где же, подруга, мои пятьдесят!?
Глаза голубые, был раньше блондин…
Давай, заходи, он придет не один.

Букет сонетов

Сонет сонету

Здесь форма ущемляет содержание,
и для эксперимента места нет.
Ни строк непроизвольное дрожание,
ни рифм неточных не простит сонет.

Но как красив, достоин обожания,
как закруглён, причёсан и одет!
Мне нелегко даётся подражание,
ведь у него такой авторитет.

Так хочется побыть с ним хоть немножко,
пером неброским послужить ему.
Он в общей каше строчек – мёда ложка.

С ним пообщавшись, наконец, пойму:
пусть форма – элегантная одёжка,
по ней встречают, а не по уму

Ещё один сонет сонету

Учитесь краткости, поэты,
старайтесь рифмы подбирать.
Для этого у нас сонеты.
У них особенная стать.

Они изысканны, при этом
строга воинственная рать
их строчек. Ни зимой, ни летом
не могут форму поменять.

Закованы в стальные латы
сонеты – бравые солдаты,
но как нежны они внутри.

Стихи надменны и богаты,
и обольстительны. Смотри,
не принцы даже, а цари.

Песочные часы

Когда «идут» песочные часы,
от времени я глаз не отрываю,
песчинок тихий трепетный язык
я не умом, а сердцем понимаю.

Имеющий начало и конец
своё в секундах видит отраженье.
Лишь тот, на ком бессмертия венец,
без времени живёт и… без движенья.

И, открывая вечности врата,
ты помни, что час твоего исхода
меж временем – безвременьем черта.

Нет дня и ночи!? И времен нет года!?
Песочные часы живут ли там?
Войду – узнаю. Но боюсь я входа.

Властителю слов

Как хочется попасть однажды в сказку.
Представьте: у ворот стоит карета,
цветёт миндаль, и пахнет амаретто,
и южный вечер обещает ласку.

Но будний день предпочитает краску
неяркую, для бледного портрета.
На чудеса наложены запреты,
и часто даже ближний носит маску.

Пусть праздником не сделать серость эту,
скромны и мысли наши, и деянья.
Но многое даруется поэту.

Властитель слов, мир под его влияньем,
и злую зиму превратит он в лето,
и тьму расцветит радужным сияньем.

Зелёный рукав

Под впечатлением от английской песни «Зеленые рукава».

Безмолвная моя любовь
в своём зелёном сюртуке,
мне кажется, ты бьешься вновь
синицею в моей руке.

Однажды ты ушёл без слов,
и я с тех пор живу в тоске.
Но вдруг вскипела в жилах кровь,
забухал колокол в виске.

Среди ветвей, цветов и трав
пригрезилось, что это ты.
Мелькнул зелёный твой рукав.

То, с неба дивный луч упав,
преобразил мои мечты.
Сквозь листья свет, увы, лукав.

Войду – узнаю

Когда «идут» песочные часы,
от времени я глаз не отрываю,
песчинок тихий трепетный язык
я не умом, а сердцем понимаю.

Имеющий начало и конец,
своё в секундах видит отраженье.
Лишь тот, на ком бессмертия венец
без времени живёт и… без движенья.

И, открывая вечности врата,
ты помни, что час твоего исхода
меж временем – безвременьем черта.

Нет дня и ночи!? И времен нет года!?
Песочные часы живут ли там?
Войду – узнаю. Но боюсь я входа.

Пасха

Пасхальный вечер в ожиданье,
и в храме, и вокруг – народ.
В предчувствии всё мирозданье,
и так идет из рода в род.

Христос воскрес! – Лежит за гранью…
Но это чудо у ворот,
пусть недоступно пониманью,
а сердце верит и поёт.

Христос воскрес! – кивают свечи,
течёт с молитвой крестный ход,
летит душа Ему навстречу.

Душа так верит в Воскресенье!
Хотя и страшен ей исход,
Но знает: во Христе спасенье!

Нить

Солнце зимнее каталось
по сугробам, как щенок,
В нос лизало и ласкалось,
убегало из-под ног.

Безразлична эта шалость
согнутой в бараний рог.
Многолетняя усталость —
суеты сует итог.

Что же делать, как же быть?
Тяжесть лет и лёгкость бега
как же мне соединить!?

Впрочем, есть такая нить!
Нужно вить ее и вить
из любви, стихов и снега.

Счастье

Счастье, что к нам, а не мимо,
часто мы не замечаем —
утро с жасминовым чаем
под белопенным жасмином.

Вечером возле камина
мудрствуем, не отличая
русской тоски-печали
от европейского сплина.

Краской невзрачной малюя
будни, не видим мы света.
И распускаем нюни.

Счастье, как просто это:
двадцать второе июня,
и дальше… мирное лето.

Сейчас

В душе запустень, сохнет грустная лира,
от слезных сонетов мокра.
Мы – завтрашний день, но вчерашнего мира.
Все, что не СЕЙЧАС – все игра.

Игра нашей памяти – день пролетевший.
А ЗАВТРА – фантазии бред.
Куда вы направите шаг свой неспешный,
и где вы оставите след?

Что было – то было, что будет – то будет,
и нет никакого СЕЙЧАС.
Там, в прошлом застыла судьба между судеб,
А ЗАВТРА застанет ли нас?!

Лишь там, где в безвременье Истина вечна,
возможно СЕЙЧАС – и оно бесконечно.

Видение

Я в пенных струях водопада
глаза закрыла, и пред ними
скалистых гор встаёт громада,
дразня вершинами своими.

Но мне туда совсем не надо,
во мне мечты другие ныне —
небесного пределы града
манят красотами иными.

Что ж, пусть не горы – сад чудесный,
не водопад – фонтан желаний!
Журчит вода волшебной песней,
объединяя сонм мечтаний.

Я сказкой омываю душу
под тёплыми струями душа.

Струна

Пораньше встань и в тишине услышишь
слова, что предназначены тебе.
А может не тебе, но ты запишешь,
и благодарность вознесешь судьбе.

О, чудный дар! Слова идут отарой,
кудрявые, как овцы по весне.
И мир звучит, то чувственной гитарой,
то балалайкой русскою во мне.

Мне не дано оркестром быть серьезным,
лишь тоненькой натянутой струной.
Но дивный Мастер может виртуозно
озвучить мирозданье и одной.

Господь, спасибо, что позволил в мире
Струной в Твоей быть многозвучной лире.

Мальчик-паж

У каждой взрослой женщины, наверно,
был мальчик-паж, отчаянно влюблённый,
то пылкий, то застенчивый безмерно,
в искусстве обольщения зелёный.

Мой юноша с глазами пьяной вишни,
с горячими несмелыми губами
мне помнится. Хотя все сроки вышли,
воспоминанья в сердце мне упали.

Триумф любви то было, иль уродство?
Тогда меня впервые посетило
насмешливое чувство превосходства.

Но гонор с обожанием сплетался.
Пусть идол мой – угасшее светило,
но свет его в стихах моих остался

Родина большая и малая

Родина

Родина – произношу с любовью
У нее прекрасное лицо!
Родина моя полита кровью
наших дедов, прадедов, отцов.
За нее с фашистами сражались,
за детей, за матерей и жен.
Из руин подняли, из пожарищ.
Победили. Низкий им поклон.

Про героев песня не допета,
что в кровавом, огневом бою
для детей войны, детей Победы
Отстояли родину свою.
Родина берет свое начало
с родинки у мамы на груди,
с песни, что баюкала, качала,
обещая сказку впереди.

Родина с картинки не начнется.
Только очень близкий человек
к сердцу этим словом прикоснется

и заставит полюбить навек
это бесконечное пространство
знойной степи и седой тайги.
Или город.
Так надрывно, страстно
полюбить с неистовством таким,
что другие дивные владенья,
где звучат иные языки,
где не слышно жаворонка пенья,
и камыш не шепчет у реки,
не наполнят острой болью душу,
если больше не увидишь их.

Я люблю и летний жар, и стужу
только здесь, среди людей родных.
Среди песен грустных и застольных,
что переплетаются хитро,
среди храмов, звонов колокольных,
средь моих попутчиков в метро.

Знаю, я когда-нибудь покину
временную родину мою,
и она мне перекрестит спину.
Только там, в неведомом краю,
трудный путь в конце концов осилив,
именем другим не назову
Родину – Небесную Россию,
дом родной – Небесную Москву.

Городуля

В привычном грохоте и гуле,
в плену у камня и стекла
живет лукавый Городуля,
вершит нехитрые дела.
Любимец Старого Арбата,
смотритель Воробьевых гор,
он просто лешим был когда-то,
когда шумел здесь темный бор.

Теперь и не узнать округи.
И он позабывать уж стал,
когда князь Юрий Долгорукий
в его владеньях пировал.
В его лесах крепчали срубы,
росли дома, все больше их.
Потом забрали реки в трубы,
и разогнали водяных.

Он быстро справился с тоскою,
хотя и жаль заветный лес.
В свое хозяйство городское
он и душой и телом влез.
Все видел: подвиги, измену,
литовско-польские полки.
Он патриарху Гермогену

в темницу воду из реки
носил по каплям.
Видел Мнишек,
Лжедмитрию свистел во след.
Да мало ли всегда воришек,
каких еще не видел свет,
к Москве стекалось. Городуля
водил их за нос, путал путь.
Свистел, показывая дулю,
французам, не кому-нибудь.
Наполеону плюнул в спину,
тушил пожар, как только мог.
И в эту горькую годину
кому-то выжить он помог.

Он был с Москвой,
не сдали нервы,
в тяжелый для столицы час.
Октябрь. Военный 41-ый.
Он не умчался, убоясь
бомбежек и толпы несытой,
что из Москвы бежала вспять.
Театр Вахтанговский разбитый
пытался лапками собрать.
А в ноябре, никем не видим,
он шел с парада прямо в бой.
И горько плакал над убитым,
что пал за дом его родной.
Сегодня очень трудно стало

в Москве и ездить, и дышать.
Порой он выглядит устало,
но нет, не время отдыхать.
Ему на месте не сидится,
на непорядки он сердит.
Он знает всех собак в столице,
и за деревьями следит.
Не воет ночью, не хохочет.
но все-таки, хотя и тих,
приезжим голову морочит,
и не туда выводит их.

В метро наводит блеск зеркальный.
Не отдохнуть ему, хоть плачь.
Когда же в суете вокзальной
мелькнет таежный бородач,
геолог, зверолов вернется,
пропахший хвоей и дождем,
то Городуля встрепенется,
и полыхнут глаза огнем.
И столько смысла, столько смаку
он слышит в запахе тайги!
Он превращается в собаку
и тычет носом в сапоги.
Но что-то в них не так. Смекает:
к ним грязь прилипла, ай-я-яй!
Он бородой ее сметает:
«Приезжий ноги, вытирай!».

В Пушкинском сквере на Арбате

Оказалась на прогулке
возле дома два дробь пять
в Карманицком переулке.
Покатилось время вспять…
За спиной Арбат былинный,
весь в рекламе и в стихах.
Тихий скверик голубиный
возле «Спаса на песках».

Я смотрю на отраженье
юности, что жжет огнем,
вот он – храм Преображенья,
я живу с тоской о нем.
Бабушка моя венчалась
здесь давным-давным-давно.
Будто юность не кончалась,
будто я смотрю кино.
.
Здесь полжизни пролетело,
но вернуться не дано.
И на храм в упор глядело,
комнаты моей окно.
Как он изменился сильно,
в нем горел «общаги» свет,
после кукольные фильмы

делали здесь много лет.

Как теперь сияют краски!
Нереален, как во сне,
мир из старой детской сказки,
что рассказывали мне.
Мой родной «Московский дворик» —
он во мне. Где ж быть ему!?
Миг воспоминаний горек,
или сладок? Не пойму.

В нашем сквере тихо, просто,
по-домашнему на вид,
человеческого роста
Пушкин бронзовый стоит.
Много ль времени иль мало
пролетело? Да, Бог весть.
«Вас здесь раньше не стояло,
вы откуда, сударь, здесь?».

Впрочем, спрашивать не буду,
в прошлое не четок взгляд,
я уехала отсюда
сорок лет тому назад.
Затерялась юность где-то,
рухнула страна, и вот,
пригласил сюда поэта
девяносто третий год.

Девяностые лихие,
и, вот надо же, пример —
не стрельба и не плохие
парни, а вот этот сквер.
«Здравствуйте, великий мастер
льну я к Вам душою всей.
Вот и встретились на счастье
Ваша молодость с моей.

Наш Арбат все так же вьется,
сквер, что мною так любим,
Вашим именем зовется,
к сожаленью, не моим.
Наш Арбат, своей судьбою
удивлял людей не раз.
И живет он сам собою,
без меня, но не без Вас».

Москве с любовью

Москва, не отверну лица
от каменной твоей громады.
Мне шум садового кольца
милей, чем грохот водопада.
Люблю я поле, речку, лес…
Зеленый мир, он будто снится,
но счастлива я только здесь,
под царственной твоей десницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.